

Вайнманн Утэ. Он верил в способности людей что-то менять

Познакомились мы со Стасом в августе 1997 года. Приехали в Москву с делегацией берлинских автономов. Все мы жили здесь на каких-то маленьких квартирах, так как никто не был готов принять делегацию из двенадцати человек. Стас предоставил свою квартиру для части группы, а так как она была довольно больших размеров, берлинские участники и наши московские товарищи в любое время дня могли там собираться все вместе и обсуждать интересующие нас вопросы.

Принимающая сторона состояла из московских анархистов, таких как Влад Тупикин, Михаил Боярский и Максим Кучинский. Нам представили Стаса как практически единственного адвоката, в открытую придерживающегося левых политических взглядов. Он тогда занимался первым в постсоветской России делом по обвинению в терроризме. Значимость задачи, казалось бы, никак не соответствовала его молодости и внешнему облику. Одним словом – я была ошарашена, потому что я увидела человека очень веселого и совершенно «бесшабашного». Он мне сразу понравился, однако никак не укладывалось в голове, как это сочетается с его профессией.

Потом я действительно поняла, что он не просто адвокат, а настоящий профессионал, который хорошо владеет словом. И с тех пор мы с ним, собственно, общаемся, т.е. общались. Так как наше знакомство началось именно с той поездки, то у меня всегда было желание организовать встречный визит, пригласить его в Берлин.

Осенью 2005 года поездка наконец состоялась. Это была его первая поездка на Запад. Я предлагала сделать ему приглашение хотя бы на месяц или дольше. Но он сказал, что ему некогда. График поездки был очень плотный, и все было расписано по минутам. Я ему говорила: «Стас, ну давай задержишься еще хотя бы на денек! Можно погулять, познакомиться с интересными людьми...» Он: «У меня столько дел, и я просто не могу». Но что удалось там, так это познакомить его с левыми адвокатами, входящими в информационную сеть, и по образцу этого объединения, с которым мы его тогда успели познакомить, он создал свой институт Верховенства права в России.

Также он познакомился там же с женщиной-адвокатом, которая на тот момент вплотную занималась делами чеченских беженцев. Ее дом он долго искал в Берлине, мой приятель сообщил ему не тот номер дома, а улица длинная, да и нумерация не привычная русская,

а берлинская. Стас ходил, два часа гулял поневоле. И так, в итоге прогулка все-таки состоялась. Не знаю, сохранились ли записи его интересных выступлений в Берлине, я кое-что записывала ручкой. Диктофона у меня тогда, к сожалению, не было.

И еще он познакомился с женщиной – режиссером документального кино, которая снимает сюжеты на разные темы, в первую очередь связанные с Россией. Она с ним ездила в Башкирию и сняла фильм о «благовещенском деле»¹. В Башкирии не все получалось, и Стас рассказывал, что часто его там «шмонали», проникали в его отсутствие в номер гостиницы. Кажется у него крали или «заимствовали на время» мобильный телефон, когда он его там оставлял. И эти люди даже особенно не скрывались, показывая, что обыскивают его номер. В фильме он фигурирует в качестве одного из героев, четко излагает главную суть дела – какие незаконные распоряжения издает власть.

Обсуждали с ним и совместные планы и проекты на темы антифашизма. Правда, из этого ничего не получилось. Он намеривался развивать Институт верховенства права, заниматься там разными делами в рамках своей адвокатской сети. Он хотел немного расширить кругозор своих коллег, для чего планировал их совместные поездки на разные политические мероприятия, а также у него была идея организовать ряд встреч между адвокатами, в том числе из Грозного. Ему нужно было, чтобы они видели, что такое «низовая политика», своими глазами. Потому что Стас сам в свое время многое видел, во многих акциях принимал участие. Был заметным общественным деятелем. Собственно, он через политику и пришел к профессии. Поэтому он и занимался своей профессией так, как он занимался.

А ведь большинство адвокатов приходит к делам общественной значимости через профессию, а не через политику. Заслуга Стаса заключается как раз в том, что он совершенно сознательно нарушил профессиональный принцип, согласно которому нельзя связывать общественную деятельность с профессиональной. Профессионалу свойственно не открывать свои карты, оставаться в тени, не объяснять, почему он совершает одно или другое действие, он исключает свою публичную, общественную позицию, как мешающую делу. В России с ее суженным общественным пространством такой подход, на мой взгляд, вдвойне порочный. Общественность по определению квалифицируется как менее значимая и невлиятельная. У Стаса сложился совершенно иной подход. Он стремился к публичности, ибо он понимал, что нельзя ограничиться одной профессиональной деятельностью, так как она не приведет к изменениям застывшего общественного строя. Также нельзя позиционировать себя исключительно в качестве рядового общественного активиста, оставаясь на одном и том же уровне. Вопреки всем внешним обстоятельствам он искренне хотел добиться того, чтобы люди взяли свою судьбу в собственные руки. Стас своим примером показывал, что демократизация общества даже при тяжелейших обстоятельствах возможна. Правда, мы знаем, какую цену ему за это пришлось заплатить.

Стас был активным антифашистом. На эту тему мы с ним, конечно, много говорили. Он и писал и, собственно, работал над тем, чтобы антифа-движение в России развивалось. В России это движение очень разношерстное и своеобразное. Он считал, что необходимо иметь разные структуры. Ведь понятно, что многие ребята приходят в антифашизм через уличные драки. Ему было важно, чтобы все создавали свои собственные организации, чтобы все занимались мониторингом деятельности нацистов и помощью жертвам нацистского

насилия. У него были всякие идеи на этот счет. Его вклад в становление и развитие антифадвижения в России нельзя недооценивать. По возрастным категориям он, разумеется, не вписывался в это движение, оно ведь очень молодое, а деятельность Стаса к тому же происходила в иной плоскости. Тем не менее в силу его умения и желания общаться с представителями различных политических групп, с людьми разного возраста ему удавалось распространять свой опыт и свое видение даже на тех, кто действовал в довольно закрытых структурах и по многим вопросам придерживался совсем иных взглядов. Мне кажется, что Стас сделал немало для того, чтобы подтолкнуть антифа-движение к более открытым действиям.

А последняя поездка с ним, где мы еще и веселились – это было в Прямухино в 2007 году. В 2008 году он с нами не ездил. Вел он себя, как всегда там, свободно, немного хулиганил. Помню, что когда ехали туда – он очень громко разговаривал, много кричал, но не агрессивно, его переполняли впечатления – от себя, от обстановки, от жизни.

Последнюю весточку я от него получила из Белоруссии. Он с удовольствием СМС-ками обменивался. Любимая шутка – «я партизаню в Белоруссии». Это его фирменный стиль...

Последний раз мы с ним, как и многие другие, виделись в начале декабря 2008 года на «Антикапе». И я там, кстати, спрашивала его, что он думает по поводу нацистских угроз. У нас с этим тоже возникли проблемы, и я хотела узнать, что он думает и как с этим быть. Он мне ответил, что, пожалуй, с этим ничего не поделаешь. И он говорил это не то что грустным голосом, но более серьезным голосом, чем обычно. Сообщил мне, что недавно опять узнал, что его домашний адрес появился на каком-то нацистском сайте. К сожалению, не успела это все уточнить, ведь когда мы с ним разговаривали – все время люди подходили, что-то спрашивали. Много народу было и шум.

Для справки: «Антикап» – от слова антикапитализм – раньше проходил как уличное шествие. Мы в нем не принимали участия, потому что там кроме леваков всегда присутствовали НБПшники и сталинисты. Стас тоже раньше не имел отношения к организации мероприятия. Просто в этот раз формат несколько изменился. Вместо уличного шествия проходили семинары и дискуссии в закрытом помещении. В одном и том же Доме культуры провести семинары, показать кино и провести концерт не удалось. Позвонили организаторам, как всегда непосредственно накануне, и те отказали в предоставлении помещения несмотря на наличие договора. На концерте, который прошел в другом месте, я не присутствовала и Стас, скорее всего, тоже, но на ту часть, где были семинары, я пошла. Там Влад Тупикин с Настей Бабуровой вели секцию по медиа.

Стас, как и все, не мог нам указать верный путь с гарантированным успехом. Он предлагал комплекс мер и сам проводил их в жизнь как мог. Он в себе совмещал многие таланты – как адвокат, публицист, аналитик, организатор. Он доверял способностям людей что-то менять. Но без солидарной среды даже самый талантливый человек не в состоянии менять мир.

Мы с ним обсуждали вопрос о том, что делать, но в последнее время обсуждали, скорее, действия на международном уровне. Хотелось постоянно сообщать миру о вопиющих инцидентах преследования активистов в последнее время. Я хотела весной 2009 года опять

пригласить его в Берлин. Темой его будущих лекций было информационное пространство. Раз в России происходят такие ужасные вещи, нападают на активистов и избивают их не просто, а насмерть, то нужно об этом говорить публично, где только можно. В России публичное пространство очень узкое. Мало кто готов привлекать к себе лишнее внимание, да и СМИ неохотно об этом пишут. Я не знаю, что он имел в виду на митинге 30 ноября 2008 года, но догадываюсь, что скорее всего – юридическую поддержку с одной стороны и информационную – с другой. Об этом обязательно нужно говорить. Обязательно подавать заявления в милицию и настаивать на выполнении ею возложенных на нее функций. При этом нужно иметь в виду, что хоть мы и подаем заявления, скорее всего, там нас не защитят. Никакими иллюзиями мы питаться не должны. Стас сам всегда откликался, когда была нужна помощь или просто совет, не опасался об этом вслух говорить. Он своим примером обнадеживал окружающих и поощрял других воспользоваться имеющимися у них возможностями для совершения адекватных действий.

Я думаю, что нас загнали в угол отчасти потому, что мы сами это допустили. Самые страшные новости уже никого особенно не удивляют. Люди привыкают к насилию и к увеличению его степени. Несколько лет назад тоже нападали на активистов, но не так часто и не с такой откровенной наглостью и брутальностью, как это сейчас происходит. И люди, стало быть, привыкают к этому. Но к этому нельзя привыкать, каждый случай уникален и должен вызывать возмущение. Стас всегда об этом готов был говорить публично. Да, если есть идея создать комитет или собрать материалы, поднять некую волну, там или здесь, то он всегда готов был приложить усилия по максимуму.

Мне кажется, это важно потому, что это, собственно, мало кто делал. Без ощущения того, что активисты могут добиться хоть крошечных достижений по отдельным вопросам, живется очень тяжело. Иногда эта уверенность пропадает, и именно молчание и бездействие этому содействуют. Но главное – не привыкать и не принимать происходящее как норму, как неизбежное.

Версия #1

Зверобой создал 15 апреля 2025 23:10:01

Зверобой обновил 15 апреля 2025 23:13:02